

Небо мало-помалу начало озаряться светом.

— Монах, они пришли, — с зевком Сяо Сэ встал и подошел к краю обрыва, разглядывая толпу монахов внизу. Их было несколько сотен и все они сидели ровными рядами и били в барабаны, воспевая сутры. И так это было внезапно и громко в вечной тишине необъятных вершин, что казалось чем-то святым. Даже такого спокойного человека, как Сяо Сэ, это встревожило. — Три сотни монахов, в унисон поющих для погребального обряда, кажутся куда более внушительным зрелищем, чем в день приношения жертвы богам.

— А это... — вдруг подал голос Лэй Уцзэ и указал туда, где позади трехсот поющих монахов стояла фигура высокого монаха с мечом в руках. Тот пристально смотрел на приближающихся к нему девять всадников.

— Это Ван Жэньсунь, — Сяо Сэ повернулся к Усиню. — Похоже, он решил не слушать твоего совета остаться в стороне. Но, думается мне, в отличие от двенадцати лет назад, он принял другое решение.

— Идем, — Усинь бросил равнодушный взгляд в сторону монаха и медленно пошел прочь к ветхому храму.

Ван Жэньсунь воткнул меч в землю и, закрыв глаза, глубоко вздохнул. Перед ним стояли семь великих мастеров храма Цзюлун: Дацзюэ, Дахуай, Давэй, Дахуань, Дамо, Даван и Дапу. Рядом с ними стояли Учань и Тан Лянь.

— Кто это? — вполголоса поинтересовался Тан Лянь.

— Почтенный Фае из храма Дафаньинь, — Учань едва заметно нахмурился. Насколько он помнил, этот почтенный всегда вел себя свободно. Чего только стоили слухи о употреблении им в пищу мяса и выпивки спиртного. К тому же говорили, что таланта к боевым искусствам у него нет. Однако сейчас он сжимал в руке рукоять меча.

Вдруг Ван Жэньсунь распахнул глаза и, вмиг вытащив меч из земли, взмахнул им в сторону пришедших. Тотчас стремительная волна ци напололам разрубила лошадей и чуть не задела поспешно спрыгнувших с них всадников.

Кровь дождем оросила землю.

— Какое сильное желание убить! Какая сила! — пораженно воскликнул Тан Лянь.

Ван Жэньсунь вновь вонзил меч в землю и крикнул:

— Остановитесь!

Мастер Дацзюэ, стоявший во главе монахов в желтых рясах, тихо склонил голову.

— С нами Будда.

Остальные монахи тоже опустили головы и вторили ему.

— Вот уже двенадцать лет прошло с тех пор, как почтенный Фае оставил нож мясника. Почему же он снова совершает убийства? — спросил Дацзюэ.

— Что тут поделать. Я намеревался провести остаток жизни, будучи монахом и каясь в своих грехах. Но совсем скоро я понял, что для меня уже слишком поздно. После долгих размышлений я решил, что только держа в руке меч смогу покаяться, — Ван Жэньсунь закрыл глаза, погружаясь в воспоминания.

— Двенадцать лет назад этот старый монах уже видел мастерство почтенного Фае во владении мечом. Желает ли почтенный почувствовать технику Девяти подчиненных демонов на себе? Одним этим мечом почтенный не сможет нас остановить.

— Ничего страшного. Но как вы думаете, сколько из вас останутся здесь навсегда? — Ван Жэньсунь ласково погладил рукоять меча.

— В твоих мыслях лишь убийства, почтенный Фае, — голос Дацзюэ зазвучал серьезней.

— Так и есть! — Ван Жэньсунь с силой стиснул рукоять меча и выдернул его из земли.

— Учань, вы с мирянином из города Сюэюэ должны задержать его! — Дацзюэ ринулся вперед и замахнулся ладонью. Тотчас из нее вырвались бесчисленные силуэты точно таких же ладоней. Каждый из них нес в себе ужасающую силу.

Не решившись встретить атаку в лоб, Ван Жэньсунь взмахнул мечом и отступил в сторону. Дацзюэ, заметив это, тотчас оставил дальнейшее наступление и вместе с шестью другими мастерами бросился к горе.

Ван Жэньсунь быстро обернулся и только хотел последовать за ними, как воздух позади него что-то со свистом рассекло. Поспешно подняв меч, он едва успел отразить тонкую иглу, с силой вонзившуюся в землю.

— Иглы[1] семьи Тан? — Ван Жэньсунь чуть нахмурился. — Здесь есть человек из семьи Тан? Люди мира боевых искусств так хотят, чтобы этот несчастный ребенок умер? Чей ты ученик? Тан Хуана? Тан Сюаня? Или Тан Ляньюэ?

Тан Лянь на секунду замер. Хотя он никогда не слышал имени почтенного Фае, тот назвал

имена трех старейшин семьи Тан, давно отошедших от дел мира боевых искусств и занявшихся подготовкой учеников. Значит, он хорошо знал семью Тан.

— Этого ученика зовут Тан Лянь, — ответил Тан Лянь, стиснув кулаки. — До шестнадцати лет он изучал техники внешней семьи под руководством учителя Тан Ляньюэ. По приказу учителя этот ученик отправился в город Сюэюэ. Сейчас этот Тан Лянь находится под опекой мастера города Сюэюэ, Байли Дунцзюня.

— Ты его ученик? Ладно, тогда я не стану тебя убивать. А ты, монах, кто? — Ван Жэньсунь повернулся к Учаню. — Выглядишь знакомо. Ты ученик Дацзюэ?

Учань сложил руки перед собой и поклонился.

— Этого скромного монаха зовут Учань, он ученик наставника Ванью. До сего дня этот скромный монах проходил обучение технике цзиньгана, покоряющего демона в храме Цзюлун.

— Ванью? Еще один ученик старого знакомого. Значит, тот юноша твой шиди?

— Так и есть.

— Тогда ответь мне - ты пришел сюда спасти его или убить? — мрачно спросил Ван Жэньсунь.

Учань в ответ честно покачал головой.

— Не знаю

Ван Жэньсунь нахмурился.

— Не знаешь?

— Этот скромный монах был бы благодарен, если бы почтенный мог ответить ему на этот же вопрос.

— Ответ в этом мече. Подойди, и ты сможешь найти его сам, — Ван Жэньсунь сощурился и крепче сжал рукоять меча.

— Могу ли я спросить мирское имя почтенного? — вдруг подал голос Тан Лянь. Ему показалось, что он знает этого человека.

— Ван Жэньсунь.

— Меч, раскалывающий небеса! — хоть Тан Лянь уже и был готов к такому ответу, все же не смог удержать пораженный возглас. Меч, способный рассеять сам воздух... Поговаривали, что после удара сущность меча остается на месте еще три дня и три ночи. Двенадцать лет назад Ван Жэньсунь прославился как один из трех лучших мечников. Он был на уровне старого главы города Сюэюэ, Е Мубая, мастера меча Кунью[2].

Ван Жэньсунь взмахнул мечом и взревел.

— Иди же, найди свой ответ!

В храме Усинь достал из своей мантии небольшой мешочек. Хмуро сведя брови, он медленно подошел к алтарю.

— Что это такое? — шепотом поинтересовался Лэй Уцзэ.

Сяо Сэ долго щурился и наконец пробормотал:

— Неужели это прах святого, о котором ходит столько слухов?

— Прах святого? — удивился Лэй Уцзэ.

— После того, как великий наставник умирает в позе созерцания, среди его пепла остаются светлые частички вроде жемчужин, называемые прахом святого. В буддийских канонах сказано, что эти частички, шарира, возвращаются благодаря добродетелям "Шести совершенств[3]" и "Обету созерцания и мудрости[4]". В результате все возвращенные добродетели объединятся в шариру, символизирующую союз сердца и буддизма. Каждая шарира невероятно ценна.

Осторожно опустив мешочек с прахом святого на алтарь, Усинь спустился с возвышения.

— Все говорили, что старый монах просто стал пеплом. Но ниато не заметил, что в том была одна шарира. Я тогда сразу решил: как бы долг не был мой путь, я верну эту шариру в Юйтянь. Если при жизни старый монах не смог вернуться сюда, то пусть сделает это хотя бы после смерти.

Усинь сел, скрестив ноги, закрыл глаза и принялся перебирать четки, тихо вторя монахам внизу.

Когда звук пения наполнил храм, шарира вдруг засияла золотым светом, и вскоре на возвышении появилась смутная фигура, отдаленно напоминающая Будду...

— Сяо Сэ, это... — завороченно воскликнул Лэй Уцзэ, не отрывая глаз от происходящего. Но не успел он договорить, как его рот плотно зажал рукой Сяо Сэ.

— Ничего не говори, — еле слышно прошептал тот.

Чем дольше длилось пение, тем отчетливей становилась фигура у алтаря. Теперь можно было с уверенностью сказать, что это был пожилой монах, одетый в серую рясу. Волосы и брови его были уже совсем седые, и лицо от того казалось очень добрым. Монах взглянул на Усиня, сидящего на полу у возвышения, и, наклонившись, погладил его по голове.

— Дитя...

— Наставник! — воскликнул Усинь. Все это время он называл наставника Ванью старым монахом, но теперь, оказавшись с ним лицом к лицу, звал его наставником.

Усинь встал на колени. Слезы ручьями текли по его лицу.

— Ну, будет, дитя, не плачь, — Ванью нежно улыбнулся. — Что ты делаешь в таком месте? Ты должен быть дома.

— Домом Усиня... всегда будет храм Ханьшань, — выдавил Усинь сквозь слезы.

— Глупое дитя, — покачал головой Ванью. — Это всего лишь твое временное пристанище. Теперь пришло время возвращаться домой, туда, где ты будешь свободен и никто не сможет причинить тебе больше боли.

— Но этот ученик хочет только в храм Ханьшань, — упрямо всхлипнул Усинь.

— Неразумное дитя... Эти люди видят в тебе лишь искру, способную спалить дотла этот мир, — со вздохом старый монах выпрямился и прошел мимо Усиня.

— Наставник! Прошу, укажите путь Усиню, — юноша наконец поднял голову и посмотрел в спину наставнику Ванью.

— Я всегда склонялся к мысли, что мы скорее равные, идущие по одному пути, а не учитель, наставляющий ученика. Теперь... мой путь закончен. Куда ты пойдешь дальше — решать лишь тебе. Только запомни, раз и навсегда запомни: не возвращайся.

Наставник Ванью все дальше отходил от Усиня. Он не оглядывался на бывшего ученика. С каждым шагом фигура его неувовимо меркла, пока не погасла совсем.

— Этот ученик понял твои слова, наставник! — Усинь с силой ударил лбом об пол храма.

— Это был... призрак? — потрясенно прошептал Лэй Уцзэ, когда наконец обрел голос.

— Среди шести сверхъестественных способностей в буддизме есть одна, называемая "Освобождением от перерождений". Благодаря ей, даже после смерти тела сознание человека не гаснет и не развеется, пока не рассеется последняя частица его праха.

Пусть Сяо Сэ и рассказал это, он впервые стал свидетелем подобного чуда. Бессмертное сознание... Секреты буддизма бросают вызов законам мироздания.

Усинь тяжело поднялся на ноги и утер слезы. Со взмахом рукава он вновь стал знакомым изящным юношей-монахом. Будто никогда не лил слезы, сидя на полу старого полуразрушенного храма. Усинь прочистил горло и прохрипел:

— Идем.

— И к чему сейчас прихорашиваться? — поддразнил его Сяо Сэ. — Мы уже все видели.

— Эх, сначала я думал стать циничным и независимым беззаботным монахом, но кто же знал, что старый монах не захочет меня отпускать, — попытался пошутить Усинь. — Какой просчет, какой просчет... Но теперь я должен буду сам выбирать свой путь. Даже если моим первым шагом будет шаг с обрыва.

— Мудрость и мастерство наставника Ванью очень глубоки, но есть кое-что, в чем он все же ошибся. Тебе не надо в одиночестве идти по своему пути, — лениво протянул Сяо Сэ.

— О-о? — на лице Усиня тотчас расплылась улыбка.

— Да, мы пойдем с тобой! — радостно воскликнул Лэй Уцзэ и широкими шагами устремился к дверям храма.

Сяо Сэ, лениво поправляя рукава, пошел следом. Усинь, улыбающийся дрожащей улыбкой, с секунду помедлил, но уже на следующем шагу нагнал Сяо Сэ. Так они, плечом к плечу, вышли из храма. Юноша в алой мантии, сразу притягивающей взгляд. Юный монах в белых одеждах с нежной улыбкой на губах. И молодой человек в роскошной шубе, лениво позевывающий и плотнее прижимающийся щеками к пушистому меху. Что было между ними общего? Искра молодости, сияющая и танцующая в их взглядах.

— Это они? — меланхолично спросил Сяо Сэ.

— Они, — улыбнулся в ответ Усинь.

Перед храмом в позах медитации сидели семь монахов в желтых ризах. У одних лица выглядели по-доброму, но другие прожигали вышедших свирепыми взглядами. Был, конечно, еще один, но глаза его были закрыты, а голова склонилась к груди, будто он задремал.

Боевая поза истинного архата!

Примечания:

[1] - Иглы семьи Тан... - на самом деле здесь упоминаются "иглы, пронзающие кости". В более ранних главах они уже фигурировали.

[2] - ...Е Мубая, мастера меча Кунью - здесь под мечом Кунью 昆吾 имеется в виду один из десяти легендарных мечей древнего Китая. Так же Кунью переводится как "меч-кладенец".

[3] - ...благодаря добродетелям "Шести совершенств"... - здесь совершенство - дословный перевод 六度 или же Парамита.

[4] - ...и "Обету созерцания и мудрости"... - здесь созерцание и мудрость - 止觀. К слову, названо это дело тоже Парамитой.

<http://tl.rulate.ru/book/27215/1297473>